

Владимир Макарченко

**ПРИВЕДЕН
В ИСПОЛНЕНИЕ**

Детектив

Владимир Макарченко

Приведен

в исполнение. Детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21995082

ISBN 9785448336195

Аннотация

Молодой выпускник военного училища лейтенант Дима Особняков волей случая и велением партии становится тем, кто исполняет смертные приговоры. Когда-то в раннем детстве он лишился родителей, погибших от руки предателя-полицая. Он навсегда запомнил того, кто лишил их жизни... Доведется ли им встретиться вновь? Какова будет их встреча, если она состоится?

Содержание

Приведен в исполнение	5
Глава 1. Задание партии	5
Глава 2. Егор Егорыч	12
Глава 3. Лейтенант Иванов	19
Глава 4. В маленьком городке	25
Глава 5. А было так...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Приведен в исполнение
Детектив
Владимир Иванович
Макарченко

© Владимир Иванович Макарченко, 2016

ISBN 978-5-4483-3619-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приведен в исполнение

Глава 1. Задание партии

В коридорном поясе слышались шаги. Потом замерли. Щелкнул дверной запор. С шумом открылась и закрылась решетчатая дверь, шарниры которой специально не смазывали, чтобы он вовремя получал сигнал. Теперь еще четырнадцать шагов, которые должны отмерить три пары идущих ног. Первая, звонко цокая по плитам пола каблуками форменных сапог. Затем усталая поступь ног, обутой в изношенные ботинки. Потом снова цокание каблуков форменных сапог. Когда первые сапоги отстучат четырнадцать шагов, у него в распоряжении пять секунд. На пятнадцатом шаге впереди идущего конвоира, нужно сделать из двери широкий шаг вправо на плиты коридора, освещенного не очень ярким светом электрических лампочек, завешанных в потолке за пыльными плафонами через каждые три метра, поймать в прицел затылок человека в стоптанных ботинках, нажать на спусковой крючок и сделать широкий шаг влево. В это время передний конвоир уже завернул за угол, а заднему оставалось сделать еще пару шагов до дверного проема из которого он выходил в коридор. Никто из конвоиров никогда не видел его лица. Только спину, спрятанную

под форменным кителем офицера внутренней службы МВД и пересеченную от левого плеча узким коричневым ремешком, прикрепленным справа к широкому форменному поясу, на котором висела расстегнутая кобура. Даже цвета волос под форменной фуражкой нельзя было разглядеть, так как голова, его была начисто выбрита.

Он проделал все возложенное на него действие, с точностью запрограммированного робота. Прикрыл за собой дверь в специально для него остававшейся пустой камере. Запах выстрела пришел с ним в камеру вместе со стволом, выплюнувшим из себя смертоносный кусочек металла. За дверями засуетились. Кто-то потребовал положить носилки чуть правее. Затем зазвучали шаги нескольких пар ног к двери на выход. Щелкнули запором. Наступила гнетущая тишина, которая продолжалась минут десять.

– Выходи! – Голос, отдавший эту команду, был ему хорошо знаком.

Он отворил дверь и вышел в освещенный коридор для того, чтобы, приложив ладонь к козырьку фуражки и замерев в стойке «смирно» доложить:

– Товарищ, майор! Задание по приведению приговора в исполнение выполнено!

– Сдать оружие! – Скомандовал майор.

Он принял от исполнителя пистолет «ТТ» и извлек из него второй патрон, который всегда выдавался исполнителю на случай необходимости повторного выстрела.

– Следуй те за мной! – Прозвучала команда и майор повел исполнителя к выходу из здания через запасный ход. По дороге им не попался ни один человек. У выхода из здания их ждала синяя «Победа» с зашторенными окнами.

Исполнитель распахнул дверцу и привычно шлепнулся на заднее сидение. Машина, беспрепятственно преодолев въездные ворота, вывезла его на широкий Ленинский проспект, где сустились люди, спеша в разные стороны по своим делам и не подозревая о том, что их стало несколько минут назад на одного меньше...

– Лейте нант Особняков? – Спросил у него капитан в форме внутренней службы, когда он переступил порог в кабинет работника отдела кадров и указал на стоявший за столом напротив него стул.

Особняков присел на стул напротив капитана. На столе перед капитаном лежала папка с личным делом лейтенанта Особнякова, выпускника училища внутренних войск.

– По распределению прибыли? – Поинтересовался капитан.

– Как и все! – Ответил Особняков.

– Все – не все... – Задумчиво проговорил капитан, словно искал нужный подход к собеседнику для продолжения разговора. – По нашей просьбе Вас сюда направили, лейтенант. Вы по стрельбе норму кандидата в мастера спорта СССР вы-

полнили?

— Так точно! Еще и по гимнастике первый разряд! В училище со спортом хорошо поставлено было. — — — Отрапортовал Особняков.

— Секретарем комитета комсомола курса были? — Продолжал опрос капитан.

— Хотел кандидатом в члены КПСС стать. Только не успел до окончания училища. Наш секретарь парткома, который хотел лично рекомендовать меня, заболел сильно... — Особняков вздохнул. Было видно, что это сильно его огорчало.

— А как Вы относитесь к убийцам и другим отморозкам, которые своими преступлениями на «вышку» тянут? — Внезапно поинтересовался капитан, меняя тему разговора.

— Как к ним относиться может выпускник военного училища? С ненавистью! — Ответил вспыхливо Особняков.

— Это хорошо. — Спокойно продолжал капитан. — А если бы Вам поручили привести в исполнение смертный приговор тому, кто убил несколько человек, насильничал женщин и детей, расхищал социалистическое имущество в особо крупных размерах, нанося большой урон нашему Отечеству?

— Рука бы не дрогнула! — Вырвалось у Особнякова.

— Верю! — Встал на ноги капитан. — Потому и пригласил Вас на беседу. Хочу сказать, что партия поручает Вам,

лейтенант Особняков, карать всех тех, о ком мы только что говорили. Считайте это прямым партийным поручением. А вопрос с кандидатством в партию мы поправим. Будут у вас нужные рекомендации! С этой минуты Вы поступаете на службу спецподразделение. Следуйте за мной.

Небольшой двухэтажный особнячок, выложенный из красного кирпича, который от времени выглядел почти коричневым, стал местом «основной работы» лейтенанта Особнякова. В особняке было по две двери на каждом этаже. Между этажами скрипучая деревянная лестница. Помещение, в котором расположили лейтенанта, состояло из двух маленьких комнаток, смотрящих на мир узкими окнами с маленькими застекленными оконными шипками. Рамы окон были двойные и между ними расположились металлические решетки, клетки которых были в два раза меньше по площади, чем стекла. Двери от дальней комнаты были заперты навесным замком. Комнатка, в которой разместили Особнякова, располагала двумя небольшими письменными столами, стоявшими впритык друг к другу и двумя стульями при этих столах. В углу у окна размещался металлический шкаф с двумя дверками расположенными друг над другом. Ключи от верхнего отсека шкафа были вручены лейтенанту. Кто владел ключами от второго отсека, ему не сказали, Так же, как не сказали, кто должен быть его соседом по кабинету.

– Тут «филиал НИИ «Спорт», как ты, надеюсь, успел за-

метить на вывеске у входа. — Знакомил его с новым местом работы капитан. — Ты, лейтенант, — перейдя без обвиняков на «ты», продолжил капитан, — должен во все рабочие дни, если находишься не за пределами города, являться сюда по утрам, чтобы вахтеры внизу видели тебя. Вот твой пропуск. Ты пока младший сотрудник НИИ. Затем ты будешь следовать в городской стрелковый клуб, где с этой поры числишься среди тренеров. Там будешь заниматься обучением стрелков вместе с остальными. В сейфе твоём должны храниться материалы только твоей спортивной деятельности. Иных у тебя и не будет. Как исполнять судебные приговоры, я обучу тебя отдельно. Мы с тобой проведем и тренировки на месте. Запомни навсегда, никто, кроме меня не будет вступать в контакт по непосредственным твоим обязанностям в спецподразделении. Только я! Если случится так, что меня по каким-то причинам не окажется возле тебя в нужный момент, обратишься по телефону вот к этому человеку. — Капитан вынул из внутреннего кармана и протянул Особнякову фото. — Телефон и данные его на обратной стороне фото. Запомни все раз и навсегда. По служебному телефону разговоры вести только о спортивных делах. Для срочной связи с нами используй телефон-автомат. Он тут рядышком на улице. Шагах в пятидесяти от этого здания. Не больше. Знакомства тут ни с кем не заводить. Предложений о знакомстве избегать. Пока, пожалуй, все. Да! Рабочий день у тебя заканчивается в восемнадцать часов, как и во всех учре-

ждениях. Форма твоя будет выдаваться тебе только на выполнение задания. Удостоверение будет храниться в моем сейфе. Хозяйку комнаты, которую ты теперь снимаешь, зовут тетей Симой. Как к ней добраться написано вот в этом газетном объявлении. — Капитан протянул обрывок газеты с объявлением. — Ей звонили от твоего имени. Она ждет. Пока!

В том самом коридоре с тусклыми лампами лейтенант Особняков, или Дима Особняк, как звали его в детском доме и училище, с капитаном Незнановым в течение двух недель отработывали навыки тех действий, которые он тут должен был производить. Все, как в реалиях, только вместо приговоренного шел сотрудник с мишенью в виде человеческого силуэта, держа ее на расстоянии от себя. Одно дело стрелять, замерев на месте, в неподвижную мишень. Другое — когда мишень движется и имеет разную высоту и местоположение по горизонтали, а ты за пять секунд должен определить цель и произвести точный выстрел, желательно один только раз. Тут не станешь хвалиться, что уже достиг вершин мастерства в стрельбе. Тут что-то иное. И стрелять потом надо будет по живым людям! А этот фактор может неожиданно стать помехой в расчете, чего допустить ни в каком случае нельзя.

С полной отдачей относился Дима к тренировкам. Он же был на особом задании партии, которое не всякому доверить могли!

Глава 2. Егор Егорыч

Как ни готовил себя Дима Особняк к первому заданию, но предательская дрожь чуть не сорвала ему первое задание, когда после широкого шага вправо прицел уперся в затылок прикрытый уголком белой косынки. Не знает он и сам, как палец прижал спусковой крючок, как шагнул широким шагом влево в темноту прохладной камеры... Черное круглое отверстие в белом уголке платочка, не успевшее даже окраситься кровью из-за скорости исполнения, стало у него в глазах каким-то глубоким укором. Он отнял жизнь у ЖЕНЩИНЫ! Теперь он ощутил на себе чувство человека впервые лишившего жизни себе подобного. Горькая тошнота подступила к горлу и выворотила его желудок на изнанку. Он даже не заметил, как рядом оказался его шеф-наставник с раскупоренной бутылкой водки в одной руке и полным до краев граненым стаканом в другой.

– Пей! – Сунул он наполненный стакан Диме. – Пей, говорю! – Повторил он твердо командным голосом.

Диме впервые пришлось так пить водку. Противный привкус напитка, смешавшись с тошнотой, казалось, вообще отравит его. Но – нет! По телу потекло тепло, прорываясь в каждую его клеточку, а в голове, вместо ожидаемого хмельного тумана образовалась полная ясность.

– Еще? – Спросил капитан, поднося горлышко бутылки

к стакану, который по-прежнему был зажат в руке Димы.

– Нет! – Отчего-то прокричал Дима.

– Ладно, браток. Пойдем на свежий воздух. Постарайся идти твердым шагом, насколько это у тебя получится. – Капитан жестко зажал в ладони свое правой руки локоть его левой и заставил двигаться чуть впереди себя.

– Не думал, что и женщин...

– Ты думал, они все святые?

Странно, но хмель так и не взял Диму. Выйдя наружу, капитан предложил съездить на берег.

– Поплаваешь. Все на свои места станет. Я это твердо знаю!

– Вы тоже... – Хотел задать вопрос Дима, но капитан перебил его.

– Вопросов не задавать, лейтенант! Особе-нно – таких, какой вертелся на твоём языке. Забыл никак? – Глаза капитана с укором смотрели на Диму. – Зря учил?

– Простите. – Искренне попросил прощения Дима. – Это не повторится. Будьте во мне уверены.

В душе у него отчего-то осталась уверенность, что они с капитаном делали одно дело. Только, один раньше, а другой сейчас.

– — Вот тебе путевка в дом отдыха. – Капитан протянул Диме сложенный вдвое листок плотной бумаги, на котором типографской краской красного цвета были напечатаны

сосна и стоящий под ней олень. — Там тебя врачи посмотрят. Отдохни. В клубе скажешь, что НИИ в командировку отправляло.

Прибыв на место в маленьком служебном автобусе, Дима понял, отчего на путевке был такой рисунок. Оленей он, правда, не заметил. Но сосен высоченных тут было несчетно. В двухместной палате он был определен на жительство вместе с очень пожилым соседом, который, как ему объяснила администратор, был ветераном войны.

Дима думал, что сосед его будет замкнут. С какими-нибудь, старческими «выкидонами», вроде: «нельзя ли потише?», «не погасите ли свет?» и что-нибудь еще. Но он здорово ошибся. Не успел переступить порог и представиться, как сосед заявил:

— Я тут наливочки с собой прихвати. Бабка надоумила. Она ее сама готовит. Нужно бы новосельице всприснуть. Ты как?

— Я... — Дима немного замушался. — А работники дома отдыха нас не застукают?

— Застукают? Старого фронтового разведчика, которого за линией фронта отловить не смогли? Ты что, сынок? — Сосед довольно заулыбался удивлению Димы. — — Майор в отставке Егоров! Егор Егорыч. Из фронтовой разведки Второго Белорусского. Полный кавалер «Славы»!

— Вот это да! — Восхищенно воскликнул Дима. — Расска-

жу в клубе, с кем повстречался тут, не поверят ведь. А орден-медали у Вас при себе? Можно было бы фотку на память. Вдвоем. Для подтверждения.

– Тут такое дело, сынок.... – Егор Егорыч немного смутился. – Ордена и медали брать не собирался. А вот колодки орденские готовил с собой. Вроде и уложил в сумку. Куда подевались? Ума не приложу.

В это время раздался стук в дверь. На пороге объявилась стройная рыжеволосая девушка с веснушчатым курносым лицом.

– Дед! Ты совсем растеряхой стал? – Прямо с порога обратилась она к соседу Димы. – Хорошо хоть дом отдыха не за тысячу километров, а за тридцать и дядя Саня на своей «копейке» дома был. Не помнишь, что позабыл?

– Здраваться бы надо, сперва! – Строго одернул внучку дед, хотя в голосе его звучало тепло. – Тут человек тебе не знакомый. Что она подумает?

– Ладно тебе, дед. – Девушка шагнула к Диме. – Я – Наташа. Тебя как зовут?

– Дима... Дмитрий. – Растерянно произнес Особняков. – Очень приятно с Вами познакомится.

– Видишь, Наталья, как вежливые люди общаются. А ты наскоком, неуважительно. – Пожурил внучку дед.

– Что Вы, Егор Егорыч? – Вступился Дима. – — Все нормально. По возрасту я от нее не сильно далеко ушел видать

по всему. Чего нам «выкать». Можно, Наташа, я на «ты» обращаться буду. Мне всего двадцать четыре. А тебе сколько?

– Двадцать внучке моей. – Ответил за внучку дед. – Говори, с чем пожаловала. Не морочь нам голову. У нас еще дело одно серьезное есть. Неотложное.

– Колодки твои привезла. А ты, дед, видать наливкой бабушкиной хочешь Диму угостить? Не хитри только! Вижу, что угадала. – Заулыбалась Наташа, отдавая деду орденские колодки. – Пейте уж. Я за дверью подежурю, чтобы не застучали вас тут.

– Видишь, какие у разведчиков внуки? – Гордо произнес дед. – Это она тут шустрая. А дома – тихоня стеснительная. Все ее цвет волос и веснушки смущают. Кто-то из пацанов соседских подразнил ее несколько раз. Лет пять назад. А она до сей поры сама себя стесняется. Вся в мою бабу. Тоже огненной была. Та наоборот гордилась красой, которой ее, в отличие от иных, природа наградила. Ну, давай, скорее по стаканчику пропустим и внучку сюда кликнем. Поди, к деду ехала, а не затем, чтобы за дверью дежурить. Заодно тебя и с братом своим самым младшим познакомлю. Саньку все одно хмельное принимать нельзя. За рулем он. Зови караульную.

– Ты в науке, значит, Дима? – Завел разговор Егор Егорыч, когда внезапные гости их покинули, распрощавшись

и пообещав наведаться. – Интересное это дело?

– Кому как. – С улыбкой ответил Дима. – Не знаю, что меня потянуло в бумагах рыться, да пыль ворошить.

– Не скажи. Многие мечтают учеными стать. Только не у всех такое получается... – Егор Егорыч на некоторое время прервал свой разговор. – Сын у меня был... Степка. Отец Натальин. Тоже в науку тянуло. В археологию. После института, перед самой войной в экспедицию с женой поехали. Она у него сокурсницей была. Через два месяца, как институт окончили, внучку мне подарили. В мае сорок первого поехали в Белоруссию на какие-то раскопки. Крошку свою на бабушку оставили. А тут, вскоре, война! Потеряли связь с сыном и женой его... Вскоре и я на фронт призвался. Работал в милиции. Броня была. Настоял. Призвали. Попал в разведку. Так всю войну в ней и пробыл. Сколько раз за линией фронта, у немца в тылу, бывать довелось, а даже ни разу не царапнуло. Тяжелое ранение уже после войны получил. Из-за него и комиссовали, «подчистую», из СМЕРШа

– Вы и в СМЕРШе служили?! – Восхитился Дима. – Вот здорово!

– Хотели вернуть из Берлина домой, на прежнюю службу. Но случай свел меня с этой службой и я запросился к ним. Не отказали орденоносцу. По моей просьбе и в Белоруссию откомандировали. В те места, где сын со снохой пропали. Очень хотелось хоть что-то про них узнать, если доведется...

– И что? Довелось? – Поинтересовался Дима.

– Давай о том позже поговорим, сынок. – Тихо проговорил Егор Егорыч. – Пойду, прогуляюсь немного. Воздуху свежего лесного вдохнуть хочется. Там тоже леса были. Очень похожие...

В этот день к разговору о прошлом они уже больше не вернулись. Дима и не настаивал. Он чувствовал, что что-то очень тяжелое лежит на душе соседа, и только он сам может принять решение о продолжении своего рассказа.

Глава 3. Лейтенант Иванов

Опять лягушачий ансамбль давал свой ежевечерний ишумный концерт. Снова гудела вокруг костра туча комаров, ища возможность прорваться к своим жертвам. А теплый вечерний ветерок, чуть шелестя в камыше, приносил от болот запах гнили. На опушке леса, которая отделена была от болот редким кустарником да порослями камыша, стояло несколько палаток. В центре образованного палатками квадрата горел костер, вокруг которого собрались несколько человек в рабочих одеждах. Среди них были трое, которые были одеты в обычное гражданское платье, в том числе одна женщина, у которой из-под подола легкого ситцевого халата выглядывали черные саржевые шаровары.

Чувствовалось, что из-за комаров, люди, не взирая на теплое пламя костра, которое сильно грело в эту теплую летнюю ночь, старались оставлять как можно меньше открытого тела. В руках одного из одетых в гражданскую одежду была выдававшая виды гитара. Он легкими движениями перебирал ее струны. Все с удовольствием слушали его игру, хотя уже неоднократно были участниками этих концертов.

– Ты бы, Миша, еще и спел что-нибудь. – Попросила женщина. – Мне всегда нравится слушать твой голос.

– Хорошо, Татьяна Ивановна. Я спою. Чего желаете услышать? – Отозвался человек с гитарой.

– Романсы в твоём исполнении – это чудо! Спой, пожалуйста. – Татьяна Ивановна произнесла это таким просящим голосом, словно от исполнения её желания зависела её дальнейшая судьба.

– Просьба дамы – закон для настоящего джентльмена! – С улыбкой произнес Миша и тронул струны.

– Я начинаю завидовать твоему вниманию к Михаилу и... ревновать. – Произнес тихо на ухо Татьяне Ивановне второй мужчина.

– Буду и тебе, Степа, с замиранием сердца такое внимание оказывать, если петть будешь, как Миша. – Ответила так же тихо Татьяна Ивановна, кладя голову на плечо мужчине. – Мало ли я тебе, муженек, внимания оказываю?

Закончив пение романса, Михаил предложил всем отправиться спать.

– Завтра снова работы много. Отдохнуть надо. Коли наткнулись на останки первого строения, то нужно резво идти вперед. Мы на пороге открытия неизвестного ранее поселения наших предков. Волнительно очень. – Проговорил он и направился к палатке. Остальные тоже разместились по своим спальным местам.

И вскоре только легкий пар над притушенными останками костра говорил о том, что тут собирались люди.

Гул авиационных моторов оторвал всех от подушек и вывел наружу. В небе серо-черной стаей в сторону востока дви-

гались, гудя моторами, самолеты, несшие на крыльях кресты, обозначающие то, что они не имели к Советскому Союзу никакого отношения. Рассвет только-только выплеснулся из-за горизонта. Бледные лучи восходящего солнца скользили по крыльям и фюзеляжам этих хищных птиц.

– Немцы! – Закричал кто-то из рабочих, разглядев эмблемы на крыльях. – Куда они?! От границы тридцать километров! У нас же договор о ненападении.

Ответом на его вопрос прогремели взрывы из того места, где располагался военный аэродром. Участники экспедиции знали о нем от того, что ездили туда на своей полуторке смотреть новые фильмы, когда их завозили в часть. Было это раза три четыре. У одного из местных рабочих в столовой части служила сестра. Она и организовала экспедиции возможность просмотра фильмов, испросив разрешение на то у командования части.

– Сниматься нам отсюда надо и в город ехать поскорей. – Тут же заявил бригадир рабочих, усатый седой мужчина лет пятидесяти. – Войной немец пошел! Вот и весь договор!

– Зря ты так, Зиновьич! – Одернул его Степан. – Может быть, ошибка какая вышла. Или провокация.

– Ошибка?! – Возмутился Зиновьич. – Не слышите, Степан Захарович, как аэродром бомбят? А там наши самолеты! Хот одного нашего в небе увидели? Следом войска двинут. Я немца знаю. Воевал уже с ним. У них всегда все, как по нотам.

– Верно предлагает Зиновыич! – Поддержал Михаил. – Двинем в город, а там ясно станет, что и почему. Давайте собираться.

Спустя полчаса полуторка, в которой разместились семеро пассажиров: Степан с Татьяной в кабине, а рабочие с Михаилом в кузове, уже бежала по дороге в город, которая лежала рядом с разбомбленным аэропортом. Глазам всех представало зрелище горящих и изувеченных самолетов. Вся площадь аэропорта изрыта воронками. Здания казармы и командного пункта с клубом обращены в руины. Надо всем стоит густой черный дым.

Вдруг, на дорогу из-за кустов выбежал молодой лейтенант с пистолетом в руках.

– Стойте! – Потребовал он, преграждая собой дорогу автомобилю. – Стойте!

Степан нажал на тормоза и выскочил из кабины.

– Что тут случилось? – Слепой что ли?! – Заорал на него лейтенант. – Отбомбили нас. Ни один не успел до машин добежать. Все порушено. Туда нельзя! Там десант их орудет. Добивали тех, кто не успел часть покинуть. Бросайте свой автомобиль. Он теперь только мишенью служить может. Уходим в лес. Вы – с нами. Нас тут семнадцать человек. Двое ранены, но ходячие. Уходить надо резво. Десантники вскоре прочесывать начнут эти места. Видели, поди, куда мы все бежали. Кто умеет пользоваться, возьмите оружие раненых.

Скорее всего, нам и пострелять вскоре придется. За мной! – После этих слов, видя, что все покинули полуторку, он метнулся в кусты, призывая остальных последовать за собой.

Часа два они шли по лесу без остановок. Потом лейтенант, который оказался старше всех по званию и принял командование небольшим отрядом на себя, объявил привал.

Татьяна Ивановна вспомнив то, что преподавали ей на курсах санинструкторов в ДОСААФЕ, сменила раненым повязки. Хорошо, что накинула на плечо санитарную сумку, которая в обязательном порядке присутствовала в дальних экспедициях на всякий случай.

– Повезло нам со встречей с вами! – Заявил лейтенант, когда все присели на землю, давая отдых ногам. – Вы с провиантом в тыл поехали. Мы же только оружие с собой и похватили. У меня и у младшего лейтенанта Сердюкова еще фляжки со спиртом имеются. Он их прихватил. Под руку кстати подвернулись. Это – НЗ. Мало ли как повернется. Идем строго на восток. В трех километрах отсюда село есть, Балахирево. – Он вел пальцем по планшету. – Если немец туда не успел, продуктами запасемся. Лекарствами тоже. А потом дальше двинем. Не мог немец далеко продвинуться. На своих выйдем. Но денька два потерпеть нужно. А теперь – прием пищи, отдых полчаса и в путь.

– Толковый парень! – Восхищенно произнес Зиновийч, обращаясь к Степану – С такими, как он, не пропадешь. Поверьте мне – старому вояке. – После этих слов он поднялся,

подошел к лейтенанту и взял под козырек форменной фуражки железнодорожника, красовавшейся на его голове. – Старшина запаса Фрол Зиновьевич Анин! Готов нести службу во вверенной Вам части!

Лейтенант сначала оторопел от неожиданности, а потом четко, по-военному ответил:

– Старшина Анин! Вы назначаетесь старшиной находящегося под моим командованием подразделения! Приступите к обязанностям. Своим заместителем назначаю младшего лейтенанта Сердюкова! Впредь всем выполнять команды заместителя и старшины!

Так члены археологической экспедиции стали членами маленького военного отряда, сформированного лейтенантом, носящим самую распространенную в России фамилию – Иванов

Глава 4. В маленьком городке

Городок Дубовск, расположившийся на правом иберегу широкой, но мелководной речки Дубовки, каждую весну утопал в белых цветах черемухи и их аромате, от которого у некоторых даже кружилась голова. Черемуха густыми зарослями стояла вдоль берегов. Выше единственного деревянного моста, соединившего берега, примерно в двух сотнях метров от него, стояла насыпная земляная плотина. Она оберегала городок от разлива весеннего паводка, который часто случался тут после зим, щедро посыпавших снегом холмы, где брала начало Дубовка. В теле плотины были вмонтированы две трубы большого диаметра для сброса воды, обустроенные специальными задвижками, регулирующими величину потока.

Образовавшееся перед плотиной водохранилище именовалось местным населением не иначе, как «наше море». Платина служила вторым мостом для переправы на другой берег. Но главная ее задача была служить местом рыбалки для всех ее любителей. Только в «море» можно было отловить хорошего карпа или линя, которыми потом можно было, долго хвастать перед другими любителями рыбной ловли, постепенно увеличивая рыбу в размерах и весе.

Сюда прибегали и воспитанники детского дома имени

Максима Горького, который занял дом бывшего местного помещика Сивецкого, бежавшего в Польшу после прихода сюда Красной Армии. Снастей для рыбалки у них не было и потому они больше увлекались плаванием и загаром. Только трое старших выменивали у местных ребят право подержать удочку за принесенные с собой плоды большого фруктового сада, разбитого на бывшем барском поместье. Рыбалка сдружила их с местными мальчишками, которых сторонились другие детдомовцы, опасаясь от них всяких проказ.

– Как ты, Димка, в детдом-то попал? – Спросил как-то, верховодивший местными подростками Борис Голован. – Родители твои где? Бросили, или в войну сгинули?

– Погибли мои мамка с батей... – Произнес в ответ Димка, и невольные слезы появились в его глазах.

– На фронте?

– Не а. Прямо в том селе, где мы и жили. Полицай прямо у меня на глазах их и сестренку из пистолета убил... Меня не тронули, от того, что не знал, где я заныкался. А я все видел из своего тайника. Откуда-то он взялся в нашем селе в самом начале войны. Все о том говорили, что приезжий он. По-немецки балаболил, как сами немцы. Он старшим среди полицаев был. Потом, когда уже Красная Армия через наше село прошла и немцев прогнала, полицаи снова из лесу вылезли. Видать, не смогли убежать вовремя. Может, специально немцы их оставили. В форме, какую все время таскали, и с автоматами. Сразу к нам домой. Отец сельсоветом

командовал до войны. Потом партизанил. И снова в сельсовет вернулся. Там его эти гады и схватили, а потомна площадь вытащили. Мамка с сестрой тоже им под руки подвернулись. И еще человек пять, кто из партизан вернулся. Поставили всех в ряд. Старшой из гадов этих сам из пистолета всех и застрелил. А дружки его автоматы на народ наставили, чтобы никто на помощь не кинулся. Потом заставили в сельсовете стол накрыть и самогонки принести, чтобы отметить казнь заслуженную над врагами, как главарь их сказал. Напились, как свиньи. Думали, что со страху их никто не тронет. Даже те, кто охранял, напились. Тут же и спать пристроились. Дверь на запор закрыли. Откуда знали они, что я там каждую дырку знаю. Залез в сельсовет и двери сельчанам открыл. Они с ними быстро расправились. Только двоим сбежать удалось. Старшому и еще одному. Дядя Леха даже хотел топором голову старшему проломить, но тот вовремя отскочил и самому ему в грудь из пистолета пальнул. Видел я, что шею ему топором все-таки задело. Кров сильно потекла. Зажал он рану левой рукой и шмыгнул в темноту. Через полгода, когда зима разгулялась, снова объявились в нашем селе эти сволочи. Десятков пять бородачей. Согнали всех в клуб. Кто сопротивлялся, на месте постреляли. Тот, кого дядя Леха пометил, командовал. Опять из своего пистолета в людей палил. Заметил я тогда, что остался след от топора дяди Лехи на шее у него. Шею он немного кривил влево. Кого в клуб согнали, заживо в нем и спалили. Меня опять случай

отвел. Был в доме у дружка своего. Когда ворвались эти гадины в дом к ним, тетка Нюра, мать дружка моего, успела нас с ним под стол загнать. Спешили, видать, полицаи бывшие. Тетю Нюру, бабуку их да старшую сестру дружка угнали, а нас и не заметили. Хотя зубами мы стучали от страху, верно, так, что услышать должны были. Так сиротой стал. Решили мы с дружком в Красную Армию сбежать. Только отловили меня по дороге и в этот детдом отдали. Привык уж. Тут и не плохо совсем. И друзья есть...

– Досталось тебе, паря! – Горько сказал Голован. – Я тоже твоим другом буду. Все про то узнают. Коли кто на тебя бычиться будет, ты мне говори. Поставлю в стойло, как надо.

И на самом деле между двумя пареньками завязалась тесная дружба. Когда в детском доме хотели запретить постоянное общение воспитанника с «местным хулиганьем», пришел к заведующей участковый. Родители его ребят, с которыми общался Дима, прислали. Просил не перечить хорошей дружбе.

– Сам за ними в городе присмотрю. Не сомневайтесь совсем. От меня дурные дела не спрячут. Пусть ребята дружат. Прошу о том от родителей. – Закончил свой разговор участковый.

– Коли Вы ответственность берете, не могу перечить. Пусть дружат. Но, если это как-то на учебе отражаться будет, я с Вами снова встречусь. В отличниках Дима у нас ходит.

Когда были сданы выпускные экзамены, друзья ни на миг не сомневались, что пойдут поступать в военное училище в областном центре. Они вместе подали документы на поступление. Вместе прошли комиссию при местном военкомате. Когда же прибыли на сдачу вступительных экзаменов, медицинская комиссия училища выявила у Голована какую-то сердечную болезнь, закрыв тем самым ему путь не только на учебу, но и на службу в армии.

– Придется годик где-то поработать. – Огорченный случившимся говорил, прощаясь с другом Голован. – Потом в институт пойду. В юридический. А ты пиши!

– Обязательно буду писать! – Пообещал Дима.

Друзья действительно первый год вели активную переписку. Потом Голован уехал на учебу в юридический институт, как и собирался. На втором курсе он женился на дочери одного из преподавателей. Переписка стала угасать, ограничившись поздравлениями к празднику. Когда Дима выпускался, переписка совсем угасла. Голован переехал на новое место жительства, как известил его почтамт, вернув обратно его письмо. Так сама собой оборвалась цепочка, привязывающая ранее Диму к городку Дубовску.

Глава 5. А было так...

Наташа и в этот раз объявилась неожиданно. Влетев в палату и поздоровавшись, она тут же обратилась к деду:

– Знаешь, чего я тебе привезла? Твои любимые пирожки с капустой и бутылочку наливки. Бабуля для тебя расстаралась. Полный тазик пирожков напекла. Тащила с ними сюда. Всю дорогу другие пассажиры в автобусе слюной захлебывались от аромата пирожков. Зови Диму к столу. И я с вами пару пирожков сжую.

– Давай, Дима, садись к столу. Нужно побыстрее исполнить просьбу этой егозы. Иначе она нам покою не даст. – Проговорил Егор Егорыч, усаживаясь за стол. – Стаканчики прихвати! Грех наливочку не испробовать! Бери все три. Этой огненной девице тоже немного плеснем. Беру грех на себя.

Когда перекусили, Егор Егорыч отправил Диму с Наташей на прогулку в лес.

– Идите, по воздуху лесному походите. А я тут немного радио послушаю. Чего там, в мире делается, узнаю. – С хитрой улыбкой заявил дед, наблюдая, какие взгляды бросают друг на друга молодые люди. Не зря ведь внучка явилась к нему спустя всего два дня, чего раньше за ней не водилось.

Они много говорили о всякой всячине, бродя по лесным тропинкам, когда у Димы неожиданно вырвался вопрос, ко-

торый он и не планировал задать.

– А что с твоими родителями произошло, Наташа? Егор Егорыч хотел мне рассказать какую-то историю, но, почему-то, молчит. Прости, если огорчил тебя своим вопросом.

– Совсем не огорчил. Я ждала, когда ты его озвучишь... Дед не мог не вспомнить о моих родителях, если вы завели разговор после наливки. Он все время их вспоминает. Я же их не могу помнить. Мне бабушка с дедом были сразу и за родителей. – С легкой грустью в голосе ответила Наташа.

– И что же он такое разузнал про них?

– Это ты у него самого спроси. Расскажет. Вот, проводи-те меня, ты его и попроси. Под наливку с пирожками разговорится. Пойдем уже назад. Скоро автобус. – Спыхватилась Наташа. – Загулялись мы тут с тобой. Дед потерял нас, наверное.

– А я бы еще гулял и гулял... с тобой. Знай, что скучать по тебе буду. Больше деда! – Смущенно отводя глаза, проговорил Дима.

– И я скучать буду! – Твердо заявила Наташа и, неожиданно чмокнув Диму в щеку, побежала по тропинке к дому отдыха.

– Чего это вы оба красные, как помидоры? – С ухмылкой спросил дед, когда встретил их на площадке перед корпусом, в котором они с Димой располагались. – От воздуха лесного зарделись?

– Хватит тебе, дед! – Остановила Егора Егорыча внучка. –

Чего человека в краску загонять?

– Тут и загонять нечего. Без того покраснел. – Продолжал свое дед.

– Прошу же, хватит! Обижусь и ездить сюда перестану. – Выпала Наташа.

– Что-то вызывает у меня глубокое сомнение в правоте твоих слов. – Заулыбался дед. – Ты уж не заставляй себя долго ждать. Мы оба скучать будем. Верно, Дима?

– Будем! – Твердо заявил Дима, поборов свое смущение. – Очень даже будем!

– Ну вот! Это – другое дело! Нечего деда за нос водить. Вижу все. Не маленький. Очень вы, на мой взгляд друг другу подходите.

– Ты, дед, нас еще и посватай тут! – Опять возмутилась Наташа.

– Придет срок, сами все решите. Без сватовства. А благословения нашего с бабкой попросить обязаны будете. Не спешите только. Хорошенько приглядитесь.

Когда автобус с отъехавшей Наташей покинул место свое стоянки, Егор Егорыч предложил Диме покончить с наливкой, чтобы ночью крепче спалось.

– А то пирожки зачерствеют. – Заключил Егор Егорыч. – Ты же у меня что-то спросить хотел. Или интерес уже пропал.

– Наоборот. Я же о родителях Наташи знать хочу. Расскажите уж. Если, конечно, посчитаете нужным.

– Расскажу... Сам хотел поделиться. Так это было...

Прибыл майор Егоров в город Данилов в распоряжение начальника отдела СМЕРШ, подполковника Седых.

– Сообщили, что сам ко мне запросился. Скажи откровенно, майор, с чего это у тебя такой интерес к этой местности. Уж не обиду на кого затаил? – Поинтересовался в их первой беседе подполковник.

– Был повод, товарищ подполковник. В этих местах в сорок первом пропал мой сын со своей женой. Они тут были в археологической экспедиции в районе села Балахирева. Последнее письмо было написано снохой двадцатого июня. Радовалась, что цель их экспедиции, по всему виду, была достигнута. Больше никаких сведений до сего дня. – Честно пояснил майор Егоров. – Может быть, здесь что-нибудь разужнаю. Не во вред службе, конечно! Просто, попутно.

– Вот как? Ты просто везунчик, майор. Именно в тех местах мы и проводим сейчас операцию по ликвидации банды остатков фашистских прихвостней. С матерым вожаком дело имеем. Сколько времени до него добраться не можем. Людей его уничтожать и брать доводилось. А к нему самому подступа никак не найдем. И внедрить к нему никого невозможно. Он тут в округе про всех все разужнает. Пробовали пару раз внедрение провести. Куда там! Оба раза людей погубили. Бандиты их трупы у дороги на суках вывешивали с табличкой на груди: «Провокатор». По имеющимся дан-

ным, вроде бы у него несколько два или три схрона в лесу обустроены. С запасом продовольствия, оружия и боеприпасов. Немцы готовили. Надеялись, что воротятся скоро. Найти их пока не удалось. Только главарь да парочка его приближенных знают информацию о них. Всего в банде человек до пятидесяти. Вооружены отменно. Гранаты, пулеметы, автоматы. Позиции отряда все время меняются. Но, далеко от границы с Польшей не уходят. Допускаю, что окно у них где-то на границе имеется. Места болотистые. Не все тропы болотные известны нам. Такие вот дела, майор.

– Интересные дела, товарищ подполковник. Когда отправляться к месту назначения?

– Нынче же и отправишься. Получи в свое распоряжение трофейный мотоцикл с люлькой и прихвати старшину Петина, который из госпиталя выписался. Он тебе, за одно и дорожку, покажет. Назначаешься заместителем командира группы майора Попова. Петин ждет тебя на крыльце.

– Разрешите идти?! – Встал из-за стола Егоров.

– Иди! – Скомандовал подполковник. – Надеюсь на твою удачу!

Майор Попов, невысокий, худощавый, спортивного склада встретил Егорова очень приветливо.

– Наконец-то подполковник раздобылся и заместителя мне определил. Надо вспрыснуть такое дело. – Он отворил дверцу тумбочки стола и извлек из нее наполовину заполненную бутылку водки, аккуратно заткнутую винной

пробкой, и пару стаканов. – За знакомство!

– И за удачу во всем! – Поддержал тост Егоров, одним глотком осушив стакан.

– Красиво пьешь, майор! Где служил?

– Во фронтовой разведке.

– Сработаемся! – Твердо заявил майор Попов.

Когда отряд лейтенанта Иванова добрал до села Балахирева, стало ясно, что немцы опередили их. В селе они, правда, не задержались. Перекусили в домах селян, постреляли собак и двинулись дальше.

– Сколько их было? – Поинтересовался посланный в разведку старшина Анин, пробравшись в одну из изб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.